

МИЯ АЛЬБИ

СЛЕЗЫ
ИМПЕРАТОРА

Все всегда решают минуты...

Мия Альби
Слезы императора

«Автор»

2024

Альби М.

Слезы императора / М. Альби — «Автор», 2024

В канун Нового года всегда происходит волшебство, даже для тех, кто не верит в чудеса. Благодаря странной находке - драгоценному камню с загадочным иероглифом - юная Эльза решает отправиться на другую половину земного шара, чтобы окунуться в таинственный мир Китая и прочувствовать всю прелесть восточного колорита. Но случайное знакомство с необычным парнем влечет за собой незабываемые приключения, где есть место всему – зимней романтике и настоящей драме, чужим традициям и древним легендам, опасным преступлениям и всепоглощающей страсти, которая неизбежно вызывает слезы. Слезы императора. Эльза: Ты стал для меня всем - единомышленником, другом, любовником. Сладким ядом по венам, проклятием на пути к долгожданному счастью. Я готова поверить в твой магический мир, только не исчезай. Аметист: Кто я, Зоозащитник Мэтт Янг или потомок Алых Драконов Лун Ам? Тайны прошлого не дают мне забыть о своем происхождении, но ради истинной пары я готов отречься от всего, даже от вечной жизни.

© Альби М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Часть I. Агностик	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 1	26
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мия Альби

Слезы императора

Пролог

Февраль, Шанхай
Канун нового года
Мэтт

Голос отца, низкий и манерно-тягучий, я слышу отчетливо, несмотря на ту поистине снежную вакханалию, которую творит погода вокруг нас. Тысячи снежинок ледяными иглами безжалостно впиваются в кожу лица и шеи, застревают на зубах, осыпаются за воротник легкой зимней куртки. Пушистая белая мгла не оставляет ни малейшего шанса увидеть что-либо в радиусе метра, а звуковое сопровождение временами даже оглушает. Бушующая природа превратила суетливые и празднично-возбужденные улочки Шанхая в пустынные каменные реки.

Мы здесь только вдвоем, под покровом наступающих сумерек и неутихающей метели.

Единственное, за что сейчас цепляются все мои органы чувств, это неподвижная фигура монарха, почтившего меня своим присутствием уже который раз за последние дни. Его глаза, пылающие в кромешной тьме, словно гипнотизируют и манят, и в сочетании с проникновенной нравоучительной речью не позволяют сделать лишнего движения.

– Я доподлинно знаю, что с момента нашей последней встречи дело не сдвинулось. Почему ты до сих пор не избавился от нее? Если *она* не служит нашей цели, то должна исчезнуть. Забери камень и начинай заново. Ты понимаешь, что *твое время практически истекло*?

Я все помню, отец. Я ни на секунду не снимал свои невидимые кандалы. Того и гляди, проявятся кровавые мозоли.

– Я был снисходителен к твоему... сердечному увлечению, но игры затянулись. У всего есть свой срок, тебе ли не знать об этом? Наша судьба predeterminedена свыше, сынок, – сокращая расстояние между нами, он делает шаг вперед и кладет руку с фамильным перстнем мне на плечо. Фиолетово-розовый кварц в обрамлении драконьего когтя на миг возвращает меня на двадцать лет назад.

Ласковым жестом мама ерошит мне волосы, солнечный свет мягко омывает, окутывает невесомым акварельным облаком. Сегодня день моего пятилетия, и я встал раньше всех, чтобы не пропустить ни минутки праздника. "Держи, это мой подарок, сыночек, – она протягивает и кладет в мою раскрытую ладошку небольшой кулон. Аккуратно трогаю пальчиком его округлые грани, люблюсь необычным цветом, который я видел лишь на пачке фломастеров в школе. -Это особенный камень. Где бы ты ни был, он всегда приведет тебя ко мне, – мама внимательно заглядывает мне в глаза и нежно целует в лоб. -Не потеряй его, слышишь? -Никогда, мамочка! ..."

Мамочка...

Резко дергаюсь в сторону, с отвращением сбрасывая его ладонь. Мне омерзительны его прикосновения, после наплыва непрощенных воспоминаний становится горько во рту, фантомная боль простреливает грудную клетку невидимыми стрелами. Делаю глубокий вдох, затем еще и еще.

– Ты прав, отец, – заставляю себя растянуть губы в дикой ухмылке. Ин Лун недоуменно хмурится, не понимая причин моего поведения. – Судьба predeterminedена свыше, и я не имею права ее искушать. Потомок нашего рода никогда не позволит себе нарушить традиции Вечных вод.

Обожу его по кругу, стараясь не касаться подошвами ботинок дорогой ткани облачения правителя. Бархатный традиционный династический костюм искусно украшен багряными шелковыми нитями по рукавам и подолу, широкий пояс сверкает золотом и средневековой росписью в виде иероглифов священного животного. *Мифическое крылатое существо со змеиным хвостом и острыми орлиными когтями.* Монарх всегда щепетильно относился к своему внешнему виду, и я не буду лишним раз дразнить *его величество*. Ин Лун медленно разворачивается и вновь бросает на меня свой горящий взор. Закипающая внутри отчаянная ярость, подкрепленная видениями из прошлого, жаждет вырваться наружу, но я не даю ей воли. Пока.

– Но я живу на равнине, отец. Здесь я сам выбираю свой путь. И не стану лишать такой возможности другого человека, – с нескрываемым удовольствием наблюдаю за переменной эмоций на его лице. Всполохи раздражения, густо замешанные на гнев и недовольстве, он эффектно маскирует под мудрую рассудительность.

Но вдоволь полюбоваться его физиономией мне не удастся.

– Ты с детства был непослушным мальчиком. Жизнь на равнине не располагает к почитанию традиций, я понимаю.

Поразительно быстро взяв себя в руки, он смахивает снежные хлопья с дорогой ткани рукава.

– Я предлагаю тебе свою помощь. Общие чаяния – общие силы, – самодовольная улыбка и переменчивый тон меня напрягают. В чем подвох, что он задумал? Переход на древние философские изречения с его стороны слишком предсказуем, чтобы не являться отвлекающим маневром.

– А если я откажусь? – парирую я, не желая сдаваться.

– Нерациональный подход. Глупо отвергать многовековой опыт предков...

– Если я откажусь *от крыльев*, – и это уже не вопрос.

Все. Не могу и не хочу продолжать этот балаган, который и так затянулся. Я уже порядочно промок и замерз, и чашку ароматной горячей лапши желаю больше, нежели выслушивать наставления и угрозы. Тем более потому, что *для меня наша проблема перестала быть актуальной. Все уже решено.*

– Ты готов пожертвовать своей единственной привилегией в двух мирах ради какой-то... – он выплевывает слова как камни, мгновенно растеряв весь свой королевский лоск, – ...девочки?!

Я молчу намеренно, давая ему наконец выплеснуть все, ради чего он и подкараулил меня в этот предпраздничный вечер возле моего дома.

– Я так и знал, что этим все кончится, хотя и надеялся на обратное, – Ин Лун подходит ко мне вплотную и, чуть наклоняясь к уху, с сарказмом добавляет, – что ж, удачи. Тогда я оставлю за собой право действовать самостоятельно.

Резко повернувшись, он отступает на полшага и внезапно с силой толкает меня в грудь, сбивая с ног. Не готовый к такому повороту, я не успеваю сгруппироваться и падаю спиной на обледенелые камни, чудом не ударившись затылком о стоящие рядом припаркованные автомобили. Успев оправиться от первоначального шока, я приподнимаюсь на локтях, одновременно морщась от резкой боли в правой ладони, пытаюсь найти Ин Лун глазами, но правитель, не говоря больше ни слова, быстро растворяется в неутраченной белой мгле.

– Что это значит?? – кричу я, прекрасно зная, что ответа не дождусь.

Если бы я тогда знал, что означает его последняя фраза, то не стал бы раскрывать все свои карты одномоментно. Убеденный в исключительной правильности своего решения, я расслабился и сгупил, потеряв самое драгоценное, что имеет значение в критических ситуациях – время. Несколько гребанных минут, которые стоили мне слишком много.

Все всегда решают минуты.

Часть I. Агностик

Глава 1

«Шанс выпадает очень редко, но ты должен быть готов к нему всегда. Когда с неба польется золото, у тебя должно быть ведро, а не наперсток.»

Уоррен Баффет

Декабрь, Сан-Франциско

Канун Рождества

Эльза

– Марк, я сдала смену!

Мой уставший голос звучит неожиданно громко и пронзительно в опустевшем кафе на Дайвелл-стрит, оповещая хозяина об окончании очередного рабочего дня. Проверив барную стойку и бегло оглядев взором обеденную зону, удовлетворительно киваю и заглядываю в подсобку. Не сразу мне отвечая, владелец заведения, сорокапятилетний мужчина, с грозной внешностью, но добрыми лучистыми глазами, усердно пересчитывает накопившиеся чеки и только после поднимает на меня взгляд.

– Отлично, Эльза, ты умница. Как всегда, – Марк снимает очки и потирает большим и указательным пальцами переносицу. – Завтра начинаем с восьми, не забыла?

– Помню, босс – с улыбкой отзываюсь я.

– Выспись хорошенько, нам предстоит сложный день. Всем праздновать, а нам пахать придется.

– Обязательно. Доброй ночи!

Кивнув на прощание, я наспех накидываю пестрый шарфик поверх капюшона и выхожу на ярко освещенную улицу, щедро украшенную в честь наступающего Рождества.

Готовиться к предстоящему празднику и последующими длинным выходным город начинает заранее, и чем ближе день икс, тем насыщеннее он ощущается своей волшебной атмосферой. Каждое кафе, магазин, уличный павильон или крошечная придомовая арка – все украшено индивидуальным контрастным нарядом. Все вокруг озаряется огоньками от светодиодов, блики от них играют в разноцветной мишуре и отражаются в панорамных окнах уютных кофеен. Аккуратно вырезанные бумажные снежинки, фигурки сказочных персонажей разной величины и прочая новогодняя атрибутика дополняет рождественский ансамбль. Можно действительно потерять голову от окружающей суеты, среди которой просто нереально почувствовать себя одиноким или обделенным. Все вокруг живет и дышит, и это прекрасно.

Хотя жаловаться на одиночество или отсутствие внимания мне в буквальном смысле кощунственно. Я работаю барменом-официантом в небольшом ресторанчике в двух кварталах от дома, и нехватки в общении не испытываю. Более того, временами к концу дня хочется все бросить и завернуться в глубокий непробиваемый кокон где-нибудь в дальнем углу.

Я не могу назвать это работой мечты в мои неполные двадцать лет, но на данном этапе жизни считаю вполне приемлемым вариантом, как с финансовой, так и в целом с рациональной точки зрения. Конечно, по утрам мои глаза не горят от предвкушения предстоящих дел, и нередко приходится буквально соскребать себя с кровати, но по крайней мере отторжения и чувства неудовлетворения результатами собственного труда не возникает. На жизнь хватает, и даже удастся создать определенную "подушку безопасности" на случай непредвиденных расходов.

Родители мечтали, чтобы их старшая дочь стала учителем, и с ранних лет кормили меня рассказами о пользе и престиже будущей профессии. Будучи послушным и примерным ребен-

ком, я не могла и не хотела им перечить. После получения школьного аттестата я успешно сдала вступительные экзамены и была официально зачислена на педфак в Калифорнийский. И ближе к концу второго года обучения с тоской осознала, насколько беспечной и наивной я была, поддавшись на уговоры домашних.

Как же я завидовала ребятам, которые выбрали себе профессию по зову души и сердца, как бы пафосно это ни звучало. На деле все оказалось совсем не так радужно. Из года в год твердить одно и то же, пить успокоительное после очередного сбитого в кровь носа ученика на перемене и до поздней ночи корпеть над бесконечными тетрадами, требующих проверки – все это составляло серую и безрадостную перспективу. Безусловно, настоящий педагог – это призвание, уметь найти подход к каждому – поистине Божий дар. Который, как к моему сожалению выяснилось, дается далеко не всем.

Конечно, перекладывать ответственность на чужие головы я не собираюсь – в том, что случилось, есть и моя вина. Но я отчасти горжусь тем, что быстро поняла свою ошибку, и преодолевая страх осуждения, попросилась с педагогическим. Зато теперь я точно знаю, в какую сторону ветер будет попутным.

Родители до сих пор не приняли моего решения всерьез. Для них, особенно для отца, мой поступок принял масштабы всемирной катастрофы, и с тех пор как я покинула стены университета, отношения между нами приобрели сугубо поверхностный характер, с легким налетом укора и циничного осуждения. Не скажу, что я довольна таким раскладом. Порой становится дико обидно и больно, что меня не принимают такой, какая я есть – взбалмошной, импульсивной, непредсказуемой, но со временем я научилась терпеть, и даже привыкла к равнодушию с его стороны. Единственная моя отдушина – это мама. Восторга в ее печальных серых глазах, конечно, не было, но она мудро и без долгих нравоучительных монологов дала понять, чтобы я в кратчайшие сроки реабилитировалась и исправила свои ошибки. Без ее поддержки и теплого плеча я бы наверняка замкнулась в себе и не смогла пойти дальше. Каждый день благодарю Бога, что мы есть друг у друга.

Сегодня дорога домой пешком утомляет, я жутко устала и мечтаю лишь о том, чтобы голова поскорее коснулась подушки. На часах уже далеко за полночь, и наш миниатюрный частный домик погружен в темноту и безмолвие. Аккуратно пробираюсь в свою комнату на втором этаже, стараясь никого не разбудить. Бросив сумочку на кровать, останавливаюсь у зеркальной стены при входе в ванную. Нервно срываю шапку и дергаю головой в стороны, наблюдая, как по плечам рассыпаются шелковой волной иссиня-черные кудри. Кожа, немного покрасневшая от морозного воздуха, на контрасте выглядит просто белоснежной, превращая меня в оживший прототип спящей красавицы. Тихонько смеюсь своим мыслям, качая головой. Из-за невысокого роста и хрупкого телосложения меня можно принять скорее за дюймовочку.

Какие иногда глупости лезут в голову перед сном... Стадию одержимости фэнтези-романами с безумно влюбленными героинями-дурочками и неотразимыми принцами-оборотнями я прошла еще в восьмом классе. В реальном мире нет места сказке, и лучше никогда не забывать об этом.

Magic Caffee&Bar, крошечный ресторанчик, где я нашла себе временное пристанище, в день Рождества вопреки всем законам труда и отдыха набит практически до отказа. Вместо того, чтобы наслаждаться семейным уютом и теплом домашнего очага в самый волшебный и чистый праздник года, жители нашего холмистого городка на севере Калифорнии спешат пропустить по стаканчику пенного и в очередной раз набить животы многослойным бургером. Кафе забито под завязку, хотя часы едва успели пробить полдень. Моя функция в данном заведении состоит в оказании услуг за барной стойкой и по желанию радовать гостей коктейлями собственного приготовления. Зажигательным искусством флейринга (прим.-умение

артистично готовить напитки с подбрасыванием и вращением барных принадлежностей) я пока овладела не в полной мере, но потенциал к этому в себе обнаружила недюженный. К тому же, не всем посетителям, как оказалось, эта демонстрация личных навыков приходится по душе. Попадаются иногда ну очень впечатлительные и тонкой душевной организации гости, которые хватаются за сердце при виде емкости со спиртным в состоянии свободного падения.

Краем глаза замечаю Джейсона, выходящего из подсобки и направляющегося уверенной походкой в мою сторону. Время от времени поправляя шапочку Санта-Клауса, которая так и норовит съехать вбок от интенсивных движений, парень приземляется высокий барный стул напротив и широко улыбается. Джейсон – сын Марка, моего начальника, хозяина данной кофейни, и по совместительству его зам.

– Горячий сегодня денек, да, Эли?

Пробежавшись взглядом по гостям, он негромко присвистывает и вновь обращает взор на меня.

– Доберем до восьми штук, как думаешь?

– Ты смерти моей хочешь, Джейсон? – делаю круглые глаза и притворно строю ужасную гримаску. – И почему им дома не сидится? – вздыхаю я.

– Не помню Рождества, когда было иначе. Это уже становится доброй традицией. Сделай громче, пожалуйста.

На висящей на стене огромной плазме в который раз крутят рекламный ролик с презентацией нового китайского экологического центра и розыгрышем билетов на предстоящий Праздник Весны. Анонс будущего торжества многие уже заучили до дыр, особенно фанаты традиций востока и желающие расширить кругозор и наладить международные связи, а заодно и провести с пользой две недели на далеком иностранном континенте.

– Только не говори, что ты участвуешь в лотерее?

Джейс заразительно хохочет, запрокинув голову и обнажая ряд белоснежных зубов.

– Меня Сэм заставила. Она недавно записалась на курсы китайского, и грезит протестировать его в живой среде. Пришлось поддаться. А вдруг нам улыбнется удача? Кто знает.

– Да ладно тебе. Не подумала бы никогда, что ты такой мечтатель.

– Только никому не говори.

– Народ, у меня новость! – кричу на весь зал, намеренно провоцируя парня. Некоторые посетители заинтересованно поворачиваются в нашу сторону.

– Эльза!! – шепотом цыкает Джейсон и протягивает руку через стол, чтобы ущипнуть. Наступает моя очередь хихикать и отмахиваться.

С Самантой они встречаются уже больше года, и не так давно стали жить вместе. Она замечательная девушка, и несмотря на то, что наши отношения вначале не заладились, в итоге стало ясно, на чем была основана ее неприязнь. Как сама же Сэм в последствии призналась, она жутко ревновала меня к своему парню, поскольку тот пятьдесят процентов рабочего времени проводил в кофейне. Именно Джейсон после университета помог мне адаптироваться и влиться в коллектив, буквально разжевывая многие рабочие моменты и разруливая форс-мажорные ситуации. Но эта помощь всегда носила дружеский, я бы даже сказала, братский характер, за что я ему бесконечно благодарна.

Мы по-дружески продолжаем подначиваем друг друга, потягивая горячий шоколадный пунш. На самом деле идея с путешествием отличная, и я бы сама не отказалась окунуться в загадочный мир востока, так отличавшийся от американского своим имперским менталитетом, древнейшей историей и богатой культурой. Не говоря уже о собственном летоисчислении и зодиаке из почитаемых животных. Год какого зверька там у них наступает? Дракона, по – моему...

Не успеваю отправить мысль в свободный полет, как отвлекаюсь на звук колокольчика, оповещающего персонал кафе о новом посетителе. Невольно поворачиваю голову на источник сигнала, чтобы разглядеть очередного голодного гостя.

Словно подгоняемый ледяным декабрьским ветром, высокий молодой мужчина уверенной плавной походкой неспешно ступает в лобби кофейни, чуть замирает на месте и, бегло окинув всю обеденную зону, выбирает направление к бару. Мощная, незримая энергетическая волна бьет по моим рецепторам и вызывает табун мурашек по всему телу. Я не могу припомнить в своей жизни такой горячей эмоциональной реакции на появление представителя противоположного пола. Меня словно молнией ударяет, точно проникая искорками в каждую клеточку тела. Пульс мгновенно достигает максимума и дыхание перехватывает. Машинально опускаю взгляд вниз, на носочки своих конверсов, стараясь восстановить сердечный ритм. Господи, что со мной происходит? Только бы успеть взять себя в руки до его появления у барной стойки, иначе выдам себя с головой. Что это еще за персонаж с харизмой stalkera?

Расстояние между нами стремительно сокращается. Я забываю, на каком моменте разговора и с какой фразой, брошенной напоследок, из поля зрения исчезает Джейсон.

Он уже близко, я даже ощущаю запах его парфюма, не растворившийся до конца в морозной снежной пыли, что вместе с ним влетела в здание с улицы. Полынный, чуть коньячный горький аромат с древесными нотами. Расстегнутая черная дубленка-авиатор надета на толстовку кислотно-оранжевого цвета, капюшон от которой он сбрасывает привычным движением. Я поспешила назвать его мужчиной, это скорее молодой парень, на вид немного старше меня.

Придя в себя от будоражащего первого впечатления, я продолжаю исподтишка рассматривать незнакомца. Четкий овал лица, высокие скулы, отсутствие щетины на твердо очерченном подбородке. Смуглая кожа и словно выгоревшие на солнце светлые волосы с вкраплениями платины составляют ошеломляющий в своей неправильности контраст. Его красоту можно назвать ледяной, отталкивающей, как и саму природную стихию, бушующую вне этих стен.

Меня осеняет запоздалая мысль о том, что наверняка со стороны я выгляжу комично, по непонятной причине уставившись во все глаза на незнакомца парня, пока не замечаю, что тот аналогично использует свое время на созерцание моей внешности. Нарочито медленно он скользит взглядом вниз по моей шее, опускается к груди, скрытой форменным барменским кителем, и вновь поднимается к лицу. Пару мгновений замирает на губах и, наконец, останавливается. Наши взгляды встречаются, и я в который раз за последние минуты цепенею от нахлынувших ощущений. Незнакомец является обладателем самых глубоких и влекущих глаз. Пронзительно-лазурные, оттенка мятежных вод Тихого океана, ласкающего непокорными волнами наш прибрежный холмистый городок. Будто расплавленный драгоценный металл, мерцающий серебристо-голубыми бликами. В компании густых бровей и мужественных черт лица это как контрольный выстрел в упор.

Я мысленно считаю до пяти секунд, стараясь сохранять уверенность и не дать парню проявить свое превосходство, но уже на третьей понимаю, что проиграла. Он зрит прямо вглубь, в самую суть, и меня опять накрывает огненной эмоциональной лавой. Такие проявления чувств, завязанные на ярком физическом отклике, мне не свойственны, и то, что я испытываю сейчас, вызывает непонятный мне страх и дикое раздражение. Оно вдруг вырастает где-то внутри, принося к единственно верному варианту – отгородиться, спрятаться от него, возвести незримую ментальную стену, не реагировать....

И в ответ, словно прочитав мои мысли, этот высокомерный блондин с безупречной внешностью дарит мне ленивую, чуть снисходительную улыбку.

Глава 2

«Ты стояла у самой кромки воды, я издали тебя заметил. Помню, меня сразу к тебе потянуло. Я подумал: надо же, как странно – человек стоит спиной, а меня к нему тянет.»
«Вечное сияние чистого разума»

Мэтт

Неспешно прогуливаясь по сонным улочкам празднично украшенного города, я рассеянно наблюдаю за игрой света, люещагося из бесчисленных витрин на запорошенный тротуар. В Сан-Франциско сегодня на редкость морозно и ветрено, разноцветный серпантин и блестящие миниатюрные игрушки, которыми городские жители задолго до Рождества так любовно украшали всякую вертикальную поверхность, безжалостно срывает буйный декабрьский ветер, и поземка еще долго гоняет их по всем прилегающим кварталам и без того захламленным тротуарам.

Днем я обычно занят работой в новом филиале китайского национального центра, который откроется уже послезавтра. Мы с коллегами планируем создать настоящий инновационный альянс, который объединит разные сферы влияния в области исследования больших бамбуковых медведей. Параллельно центр будет способствовать созданию лабораторий для изучения других редких животных, находящихся под угрозой исчезновения. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы подготовить проект в срок, но впереди маячит еще более гигантское поле разноплановых задач, которые только предстоит выполнить. Я являюсь одним из ведущих кураторов центра и назначен вести международный форум по обмену и сотрудничеству в области охраны китайских панд, который состоится через два дня.

За последнюю неделю я спал всего несколько часов, и буквально валюсь с ног. Но эта безумно приятная усталость. Я безмерно рад и горд тем, что мои труды в сфере науки и экологии *на Родине* оценили по достоинству, и доверили развиваться дальше. Охрана краснокнижных животных – дело всей моей жизни, и я действительно кайфую от того, чем занимаюсь.

На сегодня моя занятость в центре окончена. Можно позволить себе расслабиться и пополнить запас калорий в организме. Взгляд падает на яркую вывеску, маячившую неподалеку. Magic Cafe&Bar, кофейня, кажется. Магия, про себя ухмыляюсь я. Что ж, проверим.

Небольшой ресторанчик встречает меня приятным домашним лофт-стилем и попсовыми новогодними треками. Пряный запах хвои и корицы, ставший традиционным для новогодних празднеств, витает в воздухе, дразнит и настраивает на нужный лад. В ярко освещенном зале почти нет свободных мест, компании влюбленных парочек и целых семейств с оравой шаловливых детей, то и дело пробегающих вдоль обеденных рядов, заполняют все свободное пространство. Нацепив маску скупающего бездельника, лениво осматриваюсь и решаю начать с бара.

Подхожу ближе, на ходу расстегивая верхнюю одежду и машинально потирая друг о друга замерзшие ладони. Совсем юная девушка-бармен с нечитаемым выражением лица так открыто меня рассматривает, что я вначале даже немного теряюсь. Возможно, это характерная привычка для работников данной профессии, или что-либо еще, не знаю. Честно говоря, мне не впервой сталкиваться с подобной реакцией, я всегда легко и точно считываю все тонкие вибрации интереса и флирта, но каждый раз неподдельно этому удивляюсь. Обычно все понятно с первых минут по их восхищенным смазливим мордашкам, да простят мне такие нелестные эпитеты все девушки, с которыми у нас не сложилось. Вот и сейчас я прекрасно вижу ее заинтересованность и замаскированное смущение. Темно-вишневые, цвета горького шоколада огромные глазищи на бледно-фарфоровом лице выглядят глубокими озерами, в которых я могу при желании разглядеть свое отражение. Иссиня-черная копна волос собрана в высо-

кий хвост на затылке, оттеняя хрупкую шейку. Из-за барной стойки невозможно разглядеть ее фигуру в полный рост, но стройный силуэт угадывается даже под этой скучной униформой.

Мы молча ведем зрительный поединок, но девушка, естественно, уступает первой, не выдерживая долгого контакта. Отдаю ей должное за смелость и упрямство. Женская красота независимо от опыта и степени разнузданности мужчины всегда вызывает определенного плана отклик. Но количество восторженных поклонниц так или иначе испортили меня, превратили скорее в ленивого созерцателя, нежели в настойчивого ухажера. Внешняя привлекательность партнерши давно перестала для меня играть в отношениях первую скрипку, да и шанс серьезному чувству в последние годы я даю редко. Сегодня это правило точно не станет исключением.

– Эспрессо, пожалуйста. Двойной, – озвучиваю заказ, негромко постукивая пальцами по отполированной столешнице.

Эльза, как я успеваю прочесть на бэйджике, слегка вздернув подбородок, согласно кивает.

– Три минуты.

Сажусь влоборота ко входу, рассматривая всю гостевую зону уже полностью. Конечно же, основное внимание посетителей притягивает именно ОНА. Шикарная пушистая двухметровая ель голубого оттенка стоит в дальнем углу ресторана, украшенная в красно-золотом цветовом дуэте. Замечаю вдруг, что официанты, снующие между столиками в колпаках Санты, дарят на память всем гостям миниатюрные фигурки животного-персонажа наступающего года. *Керамические алые дракончики, обнимающие свечу шипастым хвостом.*

Меня сразу мысленно отбрасывает в далекое прошлое, внутри возникает ощущение, будто на грудь опустили многотонную гранитную плиту. По позвонкам скользит противный холодок, даже кончики пальцев немеют. Настроение мгновенно падает до нулевой отметки. Что за черт.

Год Дракона наступает. Мой год.

– Ваш эспрессо. Двойной.

Забыл на секунду, где нахожусь, но меня "вежливо" спустили на грешную землю. Дразнить вздумала, малышка? Забавная.

Кофе сейчас самое то, что необходимо. Глоток горького ароматного напитка слегка обжигает горло и ощутимо бодрит.

– Зимой увидел я снежную гладь, и снег попросил я со мной поиграть.

Кручу в руке бирюзовый бумажный стаканчик, который уже наполовину опустел, и негромко цитирую нетленные строки знаменитого британского поэта. Краем глаза замечаю, что девушка-бармен замирает на месте, невольно прислушиваясь к моим словам.

– Играя, растаял в руках моих снег, и вот мне зима говорит...

– Это грех! – вторит мне мелодичный голосок по ту сторону стойки.

Разворачиваюсь к ней всем корпусом, не скрывая внезапного удивления. Крошка оказалась начитанной и знакомой с произведениями классиков. Впечатляет.

– Судя по реакции, вы явно не ожидали таких познаний в области зарубежной поэзии от обычного бармена? – Эльза окидывает меня насмешливым взором, улыбаясь уголком губ.

– Признаю, не ожидал – честно отвечаю я.

– Отчего же? Или представители обслуживающего персонала, по-вашему, не способны...? – чуть обиженно отзывается она, усиленно натирая хрустальный бокал.

– Не совсем так, – намеренно дразню, – просто многие интерпретируют фразы классиков на свой лад, искажая истину. Нечасто встретишь точное цитирование.

– Для поэзии это неактуально – ее мягкий чувственный тембр звучит более лояльно, чем секунду назад.

– Согласен, – киваю я.

Мы недолгое время молчим, изучая друг друга взглядами. Напряжение отступает, хотя воздух между нами словно искрит и наполняется крошечными электрическими зарядами. Внутренняя тревожность заметно отпускает, я окончательно согреваюсь и расслабляюсь.

Девушка параллельно продолжает заниматься своими непосредственными обязанностями, непрерывно двигаясь на своей стороне бара. Длинные красивые пальцы слегка подрагивают в такт неровному дыханию, выдавая ее внутреннее состояние. Она вся как хрупкая статуэтка – бледная кожа, высокие скулы с еле уловимым румянцем, выпирающие изящные ключицы, тонкие запястья. Чувственно изогнутая линия губ. Ловлю себя на мысли, что откровенно люблюсь ей, подмечаю каждую деталь ее внешности.

– Блейк больше меня привлекает как живописец-мистик, нежели как поэт, – после недолгого перерыва откликается очаровательный бармен. -Его сюжеты для акварели просто изумительны.

– Уильям вообще был поистине разносторонней личностью, -иронично добавляю, не переставая поражаться глубиной ее кругозора.

– И довольно противоречивой – невозмутимо замечает девушка.

– В каком смысле? – уточняю я сдержанным тоном, допивая остывший эспрессо.

– Библейская тема всегда вызывает споры, впрочем, как и политическая.

– Я агностик, для меня существует лишь нейтральная позиция по этим вопросам, – невольно выдаю долю личной информации. – А искусство должно откликаться в сердце и разуме, иначе в нем нет смысла. Восхищаться или ненавидеть – каждый решает сам, – пожимаю плечами. – По-твоему, у Блейка живопись преобладает над литературой?

Прикусив белоснежными зубками нижнюю губу, Эльза размышляет пару секунд.

– Полагаю, что неслучайно Блейк использовал именно литературу как основу своей работы, но наивысшего пика достиг именно в изображении.

– Мистическая компонента в итоге победила?

– Победил симбиоз, – смущенно заключает девушка. – Но созданная им уникальная мифология выше всяких похвал, разве нет?

– "Геката", "Танец Альбиона"? – перечисляю с умным видом нетленные произведения. - Что на твой взгляд наиболее бессмертно?

– Борьба между светом и тьмой, как бы банально это не звучало. Вечное сражение добра и зла.

Вопросительно веду бровью, ожидая продолжения. Не сомневаюсь, что оно последует, судя по раскрасневшемуся личику и многозначительно блестящим глазам.

– "Великий Красный Дракон", венец всего цикла автора, как логический итог всего творчества...

Эльза восхищенно жестикулирует, описывая свои впечатления от рукотворных достижений великого художника, но для меня происходящее резко перестает существовать. Включается эффект "немое кино" – стихают звуки, замедляются движения, я словно нахожусь на большой глубине, покрытый непомерными слоями водной толщи.

Как же все символично, подмечаю про себя с печальной иронией. Или скорее закономерно.

Убегая от дикого страха, живущего внутри, я желал исчезнуть, испариться, навсегда избавиться от его незримого влияния. Но судьба раз за разом догоняет и вгрызается острыми когтями в самую глубину...

Видимо, в этот момент на моем лице отражается вся палитра терзающих и болезненных образов, и они бьют рикошетом на стоящую напротив, ни о чем не подозревающую любительницу мистики и живописи. Что-то меняется в вишневых глазах, теряется весь одухотворенный настрой, улыбка меркнет и медленно угасает.

– В чем дело? – она испуганно выдыхает и убирает ладони с гладкой поверхности стойки, где они находились еще секунду назад. – Я сказала что-то не то?

Я игнорирую вопрос, вскидывая руку в останавливающем жесте. Эльза ошеломленно замолкает и настороженно следит за каждым моим движением. Она в шоке, и ее можно понять. Сейчас я похож на импульсивного непредсказуемого невротика со стажем, и отчасти это так и есть. Но находясь в бурлящем эпицентре внутренних личных переживаний, я абсолютно безразличен ко всему, что подумают обо мне со стороны. Достаяю из кармана куртки сложенную вдвое купюру номиналом в пятьдесят долларов, швыряю на стол и резким шагом по кидаю кофейню.

Глава 3

Эльза

– Вставай, соня, уже утро! Эээээли, ну же! Вставай же!

В мой затуманенный беспокойным сном рассудок врываются оглушительные крики близнецов, раскаленной дрелью разрывающие мои перепонки. Я вздрагиваю и громко стону, набрасывая подушку на голову.

– Ну Эльзааа, ты же обещала прогулку на озеро! Давай же, хватит притворяться. Ты проснулась, я видел!

Дьюк садится на краешек моей постели и осторожно трогает кончиками пальцев за плечо, слегка подергивая и привлекая внимание. Ханна выглядывает из-за плеча брата, озорно улыбаясь и обнажая прелестные крошечные ямочки на обеих щеках. Мои обожаемые двойняшки, игривые непоседы и настоящие шkodники. Родившись на одиннадцать лет позже меня, они по-настоящему сплотили нашу семью, в какой-то момент балансирующую на критической точке невозврата. Все семейные пары проходят этапы кризиса в отношениях, и наша исключением не стала. Переезд в другой город, смена работы, а затем и увольнение, поиск новых подходящих вариантов заставили родителей серьезно пересмотреть многие вещи. Будучи несмышленным ребенком, я многого не понимала и частые ссоры отца и матери принимала за взрослые разговоры на повышенных тонах и предпочитала в них не лезть, а уж тем более не подслушивать, стоя за соседней дверью. Я до сих пор не знаю, что послужило толчком к исправлению, но постепенно наша жизнь наладилась, и вскоре в доме зазвучали новые детские голоса.

Я немножко завидую близнецам, поскольку всегда тайно мечтала иметь старшего брата, который поддержит и защитит, заступится и порадует. А тут целых два неутомимых светлячка, которые озаряют своим внутренним огнем всех вокруг и им, кроме друг друга, больше никто не нужен.

Почти никто.

– Обещание это святое, – мой голос немного хриплый после сна, но я постаралась придать ему ласковые нотки. – Дайте обниму вас, мои мучители.

Зарываюсь носом в шелковые кудряшки, покрывая короткими поцелуями упругие щечки. В ответ чувствую, как тонкие детские ладошки цепляются за мою пижаму, с силой прижимаясь ко мне всем телом. Непередаваемое ощущение полного и беспрекословного доверия, абсолютной любви растекается по моим венам, окрашивая окружающий мир в радужные цвета. Люблю их безумно, каждой своей молекулой.

Мы быстро завтракаем и, захватив с собой на прогулку соседского уличного пса Роджера, отправляемся на ближайший каток. Десять минут неспешным шагом, и мы почти на месте. Губы сами расплзаются в непроизвольную улыбку, когда я вижу проходящих мимо аниматоров в мохнатых костюмах сказочных животных и всемогущих Санта Клаусов, повсюду звучит знакомая всем вокруг рождественская музыка. Рядом с катком расположились красочные ярмарочные ряды, вдоль которых бродят довольные детишки с красно-белыми леденцами-трубочками и целыми "деревьями" из розовой сахарной ваты. Возле ближайшего киоска выстроилась огромная очередь за горячим шоколадом и пряным глинтвейном. Жутко захотелось любимого цитрусово-розмаринового рафа, хотя и от более актуального имбирного латте я бы тоже не отказалась. Погода сегодня на редкость удивительная, на лазурном небосклоне ни облачка, и я надеюсь, что вчерашняя кошмарная метель больше не вернется.

Маршрут деловито устанавливают близнецы, при этом заливисто хохоча и бесконечно споря о количестве прыжков и вращений, которое им предстоит выполнить на ледяном озере. Ханна и Дьюк посещают кружок по фигурному катанию, и официально тренировки отложили до конца рождественских каникул, но с обязательным условием домашних упражнений. Дети

осознанно выбрали себе увлечение, и вот уже почти три года показывают достойные результаты. Естественно, горькие слезы разочарования в двойном тулупе и воодушевленные возгласы после получившегося с сотого раза акселя являются неизменными атрибутами каждой тренировки, но эти мелочи только закаляют моих будущих чемпионов. Целеустремленные мечтатели, не то что их старшая сестренка...

Я отстраненно наблюдаю за бесконечными па, которые дети вырисовывают на льду, параллельно не забывая толкаться и щекотать друг дружку, за что периодически получают от меня словесные тычки и замечания. Хмурят свои забавные бровки, принимают вид послушных ангелочков, но через минуту вновь забывают об этом. Краем глаза вдруг замечаю яркую оранжевую точку на обратном берегу. Парень в толстовке морковного цвета несколько раз мелькает в радостно танцующей под Синатру толпе и исчезает за пушистыми елями. Сердце на миг пропускает удар, а потом с утроенной силой начинает свой бег, углубляя меня в непрошенные воспоминания. *Парень в толстовке морковного цвета, с такими пронзительными голубыми глазами...* Грудную клетку будто царапает изнутри, когда я заставляю себя снова и снова прокручивать тот разговор в кофейне, а потом внезапное, необъяснимое, нелепое его окончание.

Я тогда еще долго пребывала в дичайшем ступоре, остаток рабочего дня слоняясь как тень с отрешенным видом, механически выполняя свои обязанности. Старалась понять, глубоко копаясь в себе, что же такого отталкивающего сказала или сделала. Чего греха таить – вся наша беседа тем злосчастливым утром от начала и до конца была жутко странной. Я бы даже отметила некую долю мистики в произошедшем, ведь таких детальнейших совпадений в отношении личных предпочтений, будь то поэзия, живопись или психология, просто не бывает. Я вообще категорически не верю в совпадения, придерживаясь золотого правила – *случайности всегда неслучайны*. В мире существует миллионы вариаций одного события, но только одна из них актуальна здесь и сейчас. Но, к сожалению, можно сколько угодно размышлять и вдаваться в дебри судьбоносных хитросплетений, при этом быть совершенно не готовым к их фактическому воплощению.

То, с какой увлеченностью и восторгом в голосе парень читал наизусть строки, написанные в свое время моим любимым поэтом, его низкий бархатный тембр и чуть насмешливые интонации в ответ на мои попытки показать свой кругозор и знание классики, – все это настолько крепко въелось в мою душу, что я до сих пор не могу это отпустить.

Находясь за барной стойкой несколько месяцев в качестве бармена, я наслушалась всякого, и приучила себя моментально стирать этот сумбурный фарш-контент из головы после окончания очередной смены. Люди приходят пропустить по стаканчику горячительного и излить свои сердечные переживания, порой не задумываясь о том, что раскрывают карты совершенно чужому человеку. Все, что сказано в баре, остается в нем навсегда, и дело тут обстоит даже не в профессиональной этике. Бармен не священник, хотя сравнение не совсем удачное, но и он с трудом выдерживает бесконечный поток людских откровений. Я не очень стрессоустойчива и, обладая холерическим темпераментом, могу резко вспыхнуть как спичка и так же легко остыть. Жесткие откаты в психологическом плане вынуждают закрываться в непроницаемую скорлупу, поэтому разговоры "о высоком", к коим я причислила беседу с загадочным красавчиком-блондином, являются бриллиантами в груди пустых стекляшек.

На сей раз бриллиант эффектно сверкнул, как редкая комета раз в триста тысяч лет, и умчался со скоростью света к другим космическим высотам, оставив лишь горькое послевкусие смятения и разочарования. В каждом прохожем мужского пола в яркой одежде я неосознанно пытаюсь найти *его* и, ловя себя на этой дикой мысли, еще больше расстраиваюсь, сжимая кулаки до иступления.

Ни на редкость удивительная погода, ни долгожданные праздничные выходные не могут отвлечь меня от мрачных мыслей. Я снова впадаю в молчаливый транс и через силу заставляю

себя улыбаться в ответ на радостные возгласы детей на обратном пути домой, через какое-то время уже злясь на собственную персону.

В конце концов, что такого фантастического произошло? Случайный эпизод, поболтали и забыли. Надо перестать заниматься самокопанием и вернуть то настроение, с которым я встречала Рождество. Этот волшебный святой праздник случается лишь раз в году, и огорчать окружающих своей кислой миной будет верхом эгоизма.

В последствии я поняла, как же горько ошибалась, полагая, что мой наигранный позитив долго просуществует. Что ж, иногда даже полезно получать своевременные оплеухи от вселенной, чтобы не обрастать панцирем лицемерия и самонадеянности.

Глава 4

«Взамен мне ничего не нужно: никаких подарков, никаких вещей, ни демонстрации верности. Достаточно знать, что ты тоже меня любишь. Лишь твое сердце в обмен на мое!»

«Звездная пыль»

– Ты себя слышишь? Какая поездка в Китай? Что за очередная бредовая идея пришла тебе в голову?

Зажмуриваясь от неустанных громкоголосых рулад разъяренного отца, я тихонько дышу и мысленно считаю до десяти. Этот прием всегда помогает отвлечься от внешнего раздражителя и успокоить нервы. По не очень удачному стечению обстоятельств сейчас таким раздражителем выступает мой второй родитель.

– Сначала ты пропадаешь на своей так называемой работе днями и ночами, даже близнецы уже забыли, как ты выглядишь, не говоря о нас с матерью!! А потом выясняется, что у тебя на руках билет в другую страну!

– Папа, но я же все объяснила...

– Я не понимаю, на что ты надеялась, соглашаясь на такую авантюру? Отдохнуть, говоришь, захотелось? Или ты слишком устаешь от того, что ежедневно обхаживаешь и развлекаешь всякую пьянь в вашем баре? Самой не надоело унижаться?

Возвышаясь надо мной в своей коронной позе вершителя судеб, чуть расставив ноги и сжав кулаки, он гневно хмурится и зрит прямо в нутро, намеренно занимая доминирующую роль в нашем диалоге, впрочем, как всегда. Я понимаю, что на данный момент шанс достучаться до него и уговорить согласиться с моими доводами насчет неожиданной поездки равен нулю. Честно признаться, на иную реакцию я не рассчитывала, но надеялась, что до откровенных оскорблений и перехода на личности в этот раз не дойдет. В прошлом он не единожды отрицательно высказывался насчет моей занятости, хотя прекрасно знал, что я не планирую строить карьеру ресторанным менеджером. Это всего лишь некий перевалочный пункт на пути к новой вершине.

– Прекрати оскорблять меня и то дело, которым я занимаюсь. Я не беру у тебя деньги, я зарабатываю их сама, и распоряжаться ими буду тоже по своему усмотрению, – мой голос звучит на удивление твердо и уверенно, хотя внутри я дрожу, как кленовый листик на ветру.

– Папа, я уже все решила. Мне не десять лет, и я вполне могу сама управлять своей жизнью. Я всего лишь хочу, чтобы в сложных ситуациях ты стоял рядом, а не напротив. Мне нужна твоя поддержка. Я большего не прошу...

– Значит, так ты заговорила – отец насмешливо кривит губы и отходит назад, складывая руки за спиной. Проходит пара минут, прежде чем я слышу его следующий нравоучительный пассаж. – Научилась зарабатывать, да? Деньги голову вскружили? Значит, профессия педагога и наставника для тебя оказалась не так хороша, как роль шута на разливе?

Он багровеет лицом, пока в который раз своими жестокими словами будто опрокидывает меня на лопатки.

– Что ж, хорошо. Тебе действительно не десять лет, и ты наверняка понимаешь, что свою дальнейшую взрослую жизнь нужно строить отдельно от родного гнезда, раз уж на то пошло.

– Ты... меня гонишь сейчас? – я не могу поверить в то, что слышу. Меня выгоняют из собственного дома?? – Ты говоришь, что вы забыли, как я выгляжу, и тут же выпроваживаешь насовсем?

– Если ты желаешь показать свою независимость, иди до конца. Или она имеет границы? Раз ты такая взрослая, то будь ею не только на словах. Делай, что хочешь, поезжай в свой Китай или куда ты там еще собралась.

Он садится в соседнее кресло, достает пульт от телевизора и как ни в чем не бывало начинает перелистывать каналы, всем видом показывая, что наш разговор окончен.

– Ты прав, – медленно проговаривая каждое слово, шепотом начинаю я. – Мне надо было съехать от вас еще после школы. Может тогда бы не пришлось выслушивать поучения и нотации о моей никчемности и бесполезности.

Меня изнутри выворачивает от негодования и дикой обиды, которая в который раз меня накрывает после таких «душевных» разговоров. Губы мелко подрагивают, выдавая мое состояние, но отцу, кажется, это безразлично. Продолжая просматривать вереницу вечерних ток-шоу, он делает вид, что не замечает меня.

Господи, как же я устала... Постоянное чувство вины, которое мне навязывают в этих стенах, стало вечным спутником. Чертов Дамоклов меч над моей головой.

– Я найду жилье и немедленно съеду, как только вернусь из поездки, – смахивая непрошеные слезы, гляжу перед собой. – Не подозревала, что мое присутствие рядом тебя так удручает и стесняет. Надеюсь, что после моего отъезда всем легче задышится.

Не дожидаясь очередной сокрушительной реплики, решительным шагом удаляюсь из гостиной и перед тем, как хлопнуть дверью, бросаю напоследок:

– Я уеду куда угодно, хоть к самому дракону в лапы, лишь бы не выпрашивать от тебя крупницы любви и понимания!!

Поднимаюсь к себе, запирая комнату на ключ и ложусь на постель, свернувшись в позу эмбриона, поджав колени к груди. Хочется расплакаться в голос, но решаю не радовать отца таким явным проявлением чувств. Демонстрировать свою капитуляцию сейчас не самый удачный выбор, и я не желаю делать ему такой подарок. Глубоко дышу, стараясь утихомирить расшатанное состояние, но получается не сразу. Какая я все-таки наивная дурочка! Как я могла надеяться на лояльную реакцию, тем более от человека, который за всю свою жизнь не произнес в мой адрес более трех доброжелательных фраз подряд. Это не преувеличение, я не вру сейчас. Скорее сухая констатация факта. Вся жизнь я была для родителей примерной старшей дочерью, всегда выполняю их волю как свою собственную. Но стоило мне самой впервые резко свернуть с намеченного ими пути, как сразу же встретила шквал несправедливых обвинений и критики. Шаги вправо и влево и по сей день воспринимаются как непозволительная роскошь, параллельно сопровождаемая претензиями в безответственности и ветрености. Боже, я так свихнусь скоро... Я уже интуитивно каждое свое решение пропускаю через призму родительского контроля, что на двадцать первом году жизни само по себе звучит бредово.

Осторожно поворачиваюсь на спину, стирая со щек соленые дорожки с вкраплениями растекшейся туши. Смотрю в потолок, с трудом различая его очертания из-за слезинок, повисших на ресницах. В висках пульсирует, нарастающая боль кольцами опоясывает затылок. Но телесные муки не идут в сравнение с душевными. Чувствую себя бессовестной, стервозной нахалкой, играющей на нервах своих близких. Все мысли и мечты о предстоящем заграничном путешествии улетучились напрочь, прихватив с собой превосходное настроение, которое сопровождало меня целый день.

Хорошо, что нашу сегодняшнюю ссору не застала мама. Они с двойняшками еще утром ушли на «Бременских музыкантов», излюбленный мюзикл моих крошек. Несложно догадаться, что одним театральным представлением дело не ограничится, и они выклянчат парутройку праздничных аттракционов, не говоря уже о посещении детского кафе-мороженого. Вот и славно. Не хочу, чтобы они стали свидетелями нашего с отцом очередного драматического баттла. Я специально не составила им компанию, потому что хотела побеседовать с ним тет-а-тет: открыть свои планы на ближайший месяц, поделиться эмоциями перед первой в жизни заграничной поездкой и спросить совета. В итоге в очередной раз наслушалась нелицеприятных откровений. Меня буквально за шкуру спустили с небес на грешную землю и вдобавок из дома выгнали. Идеальное окончание идеального дня.

Наклоняюсь, чтобы поднять с пола брошенную в нервной спешке сумочку и достаю из внутреннего кармашка кулон с темно-сиреневым камнем в форме сердца. Пальцы легко скользят по прохладным граням, обводят неизвестный фигурный иероглиф на обратной стороне. Странное на вид украшение я нашла случайно, когда уже собиралась домой после смены в тот самый рождественский вечер. Кулон одиноко скучал без хозяина прямо на одном из многочисленных столов в обеденной зоне, изредка подмигивая своим блеском огонькам гирлянды, свисающей с потолка кафе. Обычно такие находки персонал хранит в специальном сейфе, но в спешке я машинально сунула его в свою сумку. Спустя время никто так и не вернулся за ним в кофейню, поэтому я не испытывала вины за ненамеренную оплошность. В любом случае я его не украла, а просто сохранила до востребования. Мной овладевает какое-то особенное чувство, на грани тревоги и ликования, когда я в который раз за день беру украшение в руки и рассматриваю его до мельчайшей детали. Судя по гравировке, оно принадлежит к восточной культуре, а вот насчет названия камня не уверена. Я совсем не разбираюсь в бижутерии и тем более в драгоценностях, и не люблю лишние предметы на своем теле. Дорогие цапки, как бы выразилась одна моя случайная знакомая. Девушки и женщины, которые в целях привлечения противоположного пола обожают надевать сразу все, что хранится у них в шкатулке – будь то кольца, серьги или ярусные ожерелья, вызывают у меня приступ дикого хохота и искреннего умиления. Я никогда не позволяю себе вслух обсуждать чужую внешность, но на самом деле такое явление очень удручает и выглядит действительно смехотворно.

Но в данном случае я переступаю через свои ханжеские принципы и не могу оторваться от контакта с дивным кулончиком. Размеренно поглаживая его, я словно впадаю в некий транс, глубже и глубже отстраняясь от внешнего мира. Подсознание выручает меня, не давая скатиться в черную меланхолию, постепенно уводя от суровой реальности и возвращая к истокам, а именно на несколько дней назад, когда я только встретила лицом к лицу с непростым выбором.

Несколькими днями ранее

– Ли, ты не представляешь, в каком сейчас состоянии Джейсон, – кажется, я сквозь разделяющее нас пространство вижу перед собой заплаканное лицо Саманты, когда слышу в трубке ее взволнованный и полный отчаяния голос. – Приезжай скорее, ему физически нужна твоя поддержка как друга, – она все-таки срывается и начинает негромко всхлипывать. – Пожалуйста, приезжай сейчас...

– Уже бегу, Сэм, – на ходу застегивая пальто, кричу я.

Через минут сорок я уже подъезжаю к дому Уолтеров, мысленно вспоминая бодрящие мантры и настраивая себя на нужный лад. Уютно обставленная гостиная наполнена невесомыми шарами под потолком, яркими праздничными коробками с огромными алыми бантами, собранными у шикарной сверкающей ели с серебристыми снежинками на краешках лап. Я с восхищением рассматриваю интерьер и элементы декора дома, не переставая поражаться богатому ассортименту новогодней атрибутики, поэтому не сразу замечаю парочку влюбленных, притаившихся за кроной щедро украшенного хвойного дерева. Первое, на что падает мой взор, это стерильный бинт и куча гипса на левой ноге Джейсона, заполняющие все пространство вниз от колена до кончиков пальцев. Пребывая в легком шоке от увиденного, я забываюсь и бессознательно выпускаю из рук незатейливый сувенир, который в дороге прикупила пострадавшему, чем и выдаю свое появление. Они одновременно поворачивают головы в мою сторону, и я застываю, неловко улыбаясь в ответ.

– Эльза! – радостно произносит Джейс, маскируя свое удрученное настроение за показным радушием. Но я прекрасно понимаю, что причиной фальши в голосе являюсь не я, а его собственная временная беспомощность. – Проходи, не стесняйся.

Он хлопает ладонью рядом с собой, приглашая присесть рядом. Подхожу ближе, стараясь не разглядывать его настолько явно.

– Как это случилось, Джейсон? Сбой в системе? – пытаюсь разбавить неловкость однобоким юмором.

– Моя безумная любовь к горным лыжам дала наконец свои плоды, – парень откровенно смеется над собой, что уже является добрым знаком. – Знаю, что прозвучит дико, но я даже ждал этого. Просто неприлично за столько лет любительского слалома не получить ни одной травмы, верно?

Сэм слабо толкает его кулачком в подкачанное предплечье.

– Прекрати, Джейсон, – она устало вздыхает и откидывается на спинку мягкого плюшевого кресла. По чуть припухшим красным глазам видно, что она только недавно успокоилась. – Хватит гримасничать, расскажи все по порядку.

Наша внезапная встреча плавно перетекает в тихий, почти семейный ужин. За окном уже стемнело, и дом погрузился в мягкий лунный полумрак, а мы все говорили и говорили. История неудачного посещения любимого горнолыжного городка оказалась немного затянутой, но жутко занимательной и даже в какой-то степени поучительной. Но зато теперь я в курсе всех деталей несчастного случая.

Казалось, идея провести рождественский уик-энд в спортивном клубе со своей второй половинкой была превосходным решением. После долгожданного открытия нового китайского центра, куда так стремилась попасть Саманта, влюбленную парочку, как и остальных гостей, пригласили остаться на презентацию современной эко-лаборатории по изучению и охране красно-книжных животных, посетить вегетарианский фуршет и даже полюбоваться на очаровательных детенышей панд. Апофеозом вечера стала победа в розыгрыше билетов в Шанхай на Праздник Весны с двухнедельным проживанием в отеле близ Желтого моря. Все складывалось настолько чудесно, что поначалу молодые люди с трудом могли поверить в подобную благосклонность фортуны. Но для того и существует Рождество, чтобы волшебство снисходило на всех и каждого, верно?

– Когда выпал наш номерок, я подумала, что сплю. Ну не бывает такого!! – девушка проводит по лицу ладонями, нервно ерзая на месте. – Ты бы видела количество участников. А ведь многих попросту не было в тот день... Не пришли.

– Я почти оглох от твоего визга тогда, – Джейсон притягивает ее к себе и ласково целует в кончик носа. – Голосистая моя птичка.

Я невольно улыбаюсь, наблюдая за ними из-под полуопущенных ресниц. В непринужденной домашней обстановке они выглядят такими счастливыми и беззаботными, что внутри накаывают волны нежности и умиления.

– Эй, ребята, я вам не мешаю? – напоминаю о себе спустя пару минут. Чувствую себя неловко и испытываю нечто подобное белой зависти, глядя на влюбленных голубков. Надо срочно разбавлять эту атмосферу воздушных бабочек в животе и радужных пони на седьмом небе.

– Не будь занудой, Ли, – хитро подмигивает мне парень. – Лучше позвони Коулу, он давно ждет тебя...

– Не начинай – резко перебиваю я, гася поднимающееся глубоко в душе привычное раздражение при упоминании о бывшем.

– Окей.

Мы какое-то время неотрывно смотрим друг другу в глаза. Джейсон сдается первым, поднимая вверх обе ладони в знак капитуляции.

– Проехали. Извини. Даже хорошо, что нам с Сэм не удалось вас свести на горнолыжке. А там кто знает, может, не я один сейчас был бы запакован в такой надежный каркас – он кивает на большую ногу, легонько морщась.

– А я циник. Все, что ни делается, – к лучшему, – откликается Саманта. Удивленно смотрю на нее, еще недавно бывшую в истерике и слезно зовущую меня в группу поддержки болеющих. В тихом омуте, как говорится. . .

– Что? Это правда, – заметив мой недоуменный взгляд, смущенно комментирует она. – Такое везение – повод задуматься. Закон сохранения энергии в действии.

Мы замолкаем, но в следующую секунду дружно смеемся в голос, ненадолго отстраняясь от неприглядной реальности.

– Охх. . . С вами не соскучишься, – хрипло бормочу я, вытирая слезинки в уголках глаз, выступившие от интенсивного веселья. – Но в какой-то степени я согласна. В мире должно быть равновесие. Нечестно так, одним лыжи и белые мишки, а другим – непоседливые близнецы и домашняя хандра.

Притворно вздыхаю, всем видом выражая печаль и безысходность, и не сразу замечаю странные переглядки друзей напротив.

– Ли, есть еще кое-что важное, о чем мы еще не сообщили, – быстро растеряв все веселье, пространно добавляет Джейсон. Его внимательный взгляд блуждает по моему лицу, заставив мгновенно напрячься в ожидании.

– Ну же. Не томите, выкладывайте, что еще произошло? – не до конца понимаю подвох, но чувствую, что он есть.

В ответ он медленно достает из заднего кармана джинсов клочок бумаги, свернутый вдвое, и протягивает мне.

– Держи.

– Что это? – заинтересованно разворачиваю переданный лист с двойной бордовой линией по краю. – Двадцать шестое января, рейс 102-008. . . – Что это? – изумленно вскидываю голову, повторяю вопрос, уже понимая, что именно за документ я держу в руках.

– Нужно восстановить равновесие вселенной, – подруга Джейсона в очередной раз вводит меня в ступор, повторяя мои недавние слова. – Это конечно не абонемент на слалом, но диких мишек ты точно увидишь, – Сэм тепло улыбается, расправляя плечи и складывая руки на коленях перед собой.

Нет. Этого не может быть, запальчиво прокручиваю я в мозгу все возможные варианты. Они наверняка решили меня разыграть, чтобы как-то развеяться. Да-да, именно так. Я качаю головой, отказываясь воспринимать происходящее. Билет дрожит в руках, звучно похрустывая в такт моим нервным движениям.

– Это прикол такой? – издав отрывистый смешок, кладу билет на стеклянную поверхность журнального столика, стоящего рядом. – Уже не смешно.

– Это наше обоюдное решение. Взвешенное и осознанное, заметь, – молодой человек уверенно ведет мяч на своей стороне поля. – К сожалению, нам уже не до путешествий, сама понимаешь. Я предлагал Сэм поехать одной, но, честно говоря, мне самому страшно отпускать ее одну в чужую страну. Мало ли, повстречает еще богатого симпатичного иностранца, – в ответ на провокацию девушка запускает в него декоративной плюшевой подушкой, за что получает воздушный поцелуй. – А сдавать билет было бы просто кошунственно. Ли, решайся, – он кладет ладонь поверх моей и легонько похлопывает, тактильно воздействуя на мои разгоряченные рецепторы, уговаривая согласиться на сумасшедшую авантюру.

Черт, а ведь это очень даже заманчиво. Сущее безумие, я ведь никогда прежде не выезжала за территорию родной страны, у меня нет ни опыта, ни знаний. . . Только безумное желание уйти от повседневности, тлеющее крохотным угольком в самой глубине моей души. Угольком еле уловимым, но не прогорающим до конца.

Мной овладевают сейчас самые противоречивые чувства, от смятения и стыда до возбужденного предвкушения, в котором я боюсь признаться. Сердце переходит на резкий галоп,

краска отливает от щек, ладошки покрываются испариной. Нет, я не могу так. Это слишком крутой поворот для меня, тем более сейчас...

– Джейсон, я не готова принять от вас такой подарок... Я не могу. Это неправильно...

– Забудь о приличиях и позволь себе наконец оттянуться. Ты заслужила.

– Ты же знаешь, у меня работа, я не могу подвести твоего отца...

– С ним я уже поговорил, и мы уже нашли тебе прекрасную замену, – он берет Саманту за руку, они синхронно кивают мне, улыбаясь уголками губ. – Эльза, ни о чем не думай и ничего не бойся. Только не забудь привезти нам магнитик на память.

Наши дни

Не знаю, сколько времени я пролежала в абсолютной тишине и сумраке спальни, размышляя о своей незавидной участи и попутно освежая в памяти события последней недели. Как же все циклично в нашей жизни. Белые полосы всегда неизменно следуют за черными и наоборот, заставляя наши беззащитные души лавировать на всех уровнях земной атмосферы, иногда даже улетая за ее пределы. Меня всегда поражала эта непостоянность, эта вечная нескончаемая борьба. Между внешней невозмутимостью и тайными страхами, порой пронизывающими до самых костей...

Бесконечные часы наедине с собой безусловно способствуют мрачной философии, ничто не отвлекает от болезненных воспоминаний, мыслей и фантазий. Все это копится внутри и готовится излиться бурным потоком, но я вовремя останавливаю себя от нарастающего нервного истощения, которое грозит мне после разговора с отцом. Тяжело встаю с постели и направляюсь в ванную комнату, на ходу сбрасывая лишнюю одежду. На миг останавливаюсь у спальной консоли, оставляя на ней телефон и кулон, который весь вечер не выпускала из рук. Снова безотрывно им любуюсь, с нездоровым интересом размышляя о значении надписи на одной из сторон.

Кто знает... Может, ты не случайно попался мне в руки, и несешь в себе какой-то тайный знак, печально отмечаю про себя. Необъяснимое, волнующее предчувствие не перестает терзать, и в который раз за день я с прерывистым вздохом отнимаю от камня руку, прерывая нашу ментальную связь.

Глава 5

Международный аэропорт Сан-Франциско

Мэтт

– Ваши документы, сэр. Посадка начнется через десять минут.

Слова кассира за тонким стеклом регистрации доходят до меня будто через толщу ваты, и конец стандартной фразы я уже читаю по губам. Аэропорт, несмотря на раннее утро, гудит как многомиллионный муравейник, жизнь здесь никогда не останавливается. Все многообразие звуков и посторонних шумов сливается в единый непрерывный гул, и периодически приходится останавливаться, чтобы сконцентрироваться на конкретном действии.

– Благодарю – улыбаюсь в ответ во все тридцать два белоснежных.

– Приятного полета, сэр!

В дальние командировки я всегда летаю только бизнес-классом, иногда первым, особенно если время полета составляет больше десяти часов. Только бизнес, только место у окна. Обычно рядом всегда маячит ассистент, но на этот раз моя помощница Кристина осталась в Шанхае, поскольку там сейчас нужен свой человек, которому можно доверить основные проекты. Я отсутствовал меньше месяца и надеюсь, что по возвращению домой не буду сильно разочарован в текущем положении дел.

Рассеянно рассматриваю обгоняющих меня пассажиров. Взгляд сразу останавливается на странной парочке, выясняющей отношения прямо в зале ожидания, неподалеку от стойки регистрации. Одета в белоснежную легкую шубку, кожаные брюки и высокие бежевые ботинки, девушка выглядит как Снегурочка на современный лад. Парень явно провожатый и, судя по раздражению и недовольству молодой леди, сквозившим в каждом ее взгляде и жесте, он явно нежеланный претендент для слезливого прощания. Ох уж эти влюбленные, отмечаю про себя с иронией. Сейчас они ссорятся, а через пару часов уже начнут неистово писать друг другу душераздирающие сообщения, несмотря на запрет мобильных телефонов в самолете. Каждый раз одно и то же. В который раз ловлю себя на мысли, что чужие чувства и такие живые откровенные эмоции не вызывают у меня ничего, кроме насмешек и несерьезной поверхностной критики. В моей жизни я не оставил места для любви, отдав предпочтение работе. И это было осознанное решение. Мне совсем не сложно бороться со своими инстинктами и, несмотря на изматывающий график, найти себе ту, которая удовлетворит определенного вида потребности, мне не составит особого труда. Крис не в счет. Она моя правая рука в офисе и частая гостья в доме, но мы давно выстроили оптимальный вид сотрудничества, а главное – личные границы. Мы единомышленники по многим вопросам, и порой я даже всерьез подозреваю у нее наличие телепатических способностей, настолько тонко она чувствует перемены в моем настроении.

Захожу в самолет, следуя дежурным подсказкам бортпроводника, устраиваюсь на любимом месте у иллюминатора и чуть прикрываю глаза, откидываясь на спинку комфортного кресла. Странные и нелепые ассоциации возникают где-то в глубине сознания. Вроде размышляю об одной девушке, а перед глазами возникает совсем другая. Смутное ощущение дежавю подхватывает меня упругой волной и балансирует на самой пиковой точке. Внешность той сердитой брюнетки у стойки кажется мне подозрительно знакомой – вьющиеся темные волосы, ярко очерченные пухлые губы на фоне фарфоровой кожи... Мы могли пересечься только на благотворительном вечере после открытия центра, поскольку остаток времени вне фонда я провел исключительно в горизонтальном положении, в состоянии глубокого сна. В одиночестве.

– Проходите сюда, пожалуйста, – в мои сумбурные мысли вторгается вежливый голос стюардессы, находящейся где-то рядом. – Вот ваше место.

Боковым зрением замечаю, что на соседнее кресло опускается сначала миниатюрная женская сумочка, а потом и *ее хозяйка в легкой белоснежной шубке до колена.*

– Благодарю вас! – возвращает любезность бортовому персоналу случайная попутчица, одновременно разворачиваясь в мою сторону. Приглаживая ладонями распущенные локоны, она миролюбиво скользит взором по мне снизу вверх, явно собираясь поздороваться, но в следующую секунду застывает на месте, ощутимо вздрогнув.

Я заинтересованно жду продолжения. Что такого шокирующего она увидела, что настолько округлила и без того огромные шоколадные глазищи? Неужели грязь на лице или одежде? Догадываюсь, что не в этом дело.

Продолжая потрясенно сканировать мое лицо, Снегурочка смущенно облизывает нижнюю губку, нервно проводя по ней кончиком языка. Красивая невысокая брюнетка, закутанная в искусственный мех. Я узнал ее. Это же она была в зоне регистрации, когда пыталась спроводить надоедливого ухажера. Или провинившегося возлюбленного, непринципиально.

– Со мной что-то не так? – немного резко прерываю затянувшуюся неловкую паузу.

Девушка уже поработала над собой и взяла эмоции под контроль, хотя ее глаза оттенка горького шоколада выражают целый коктейль из потрясения, шока и, как ни странно, скрытого удовлетворения.

– Мы с вами могли встречаться раньше? – вопросом на вопрос парирует она, заправляя за ухо каштановый локон. Мелодичный голосок звучит мягко, но уверенно, будто ей доступна какая-то секретная информация, но раскрывать ее на данный момент не входит в планы.

Открываю рот, чтобы бросить какую-нибудь привычную колкость в тон нашей комичной ситуации, но тут мой взгляд случайно опускается на ее руки, сжимающие тоненькие кожаные перчатки. На правом запястье в несколько оборотов повязана красная шелковая лента, с которой свисает, оттягивая ткань своей тяжестью, небольшой сиреневый камень. Меня словно молнией ударяет. Острой, ядовитой стрелой, летящей прямо в солнечное сплетение. Становится трудно дышать, по позвоночнику пробегает мерзкий холод. Я не верю глазам своим, когда на обороте украшения удается прочесть до боли знакомый иероглиф древнейшей императорской династии.

Нет, такого не бывает, просто не может быть.

Черт возьми, за моей спиной больше двадцати лет безрезультатных поисков! Моментов, когда руки опускаются, а безнадежное отчаяние и собственное бессилие буквально ломает изнутри. Если бы это рядовое на вид украшение не имело столь трагического значения в моей жизни, я бы бессовестно рассмеялся в голос на весь лайнер.

Единственный дорогой сердцу подарок погибшей мамы, который жестоко у меня отняли.

Спустя столько мучительных лет он нашел меня сам.

Часть

II

. Альбинос

Глава 1

«Детство – это то, что мы потеряли во времени, но сохранили в себе.»

Эльчин Сафарли

Мэтт

Спустя столько лет безуспешных поисков оберег нашел меня сам.

Эта простая мысль набатом бьет по моей голове, идеально совпадая с ударами сердца. Не в силах оправиться от первоначального шока, я вынужден проигнорировать вопрос симпатичной соседки и заставляю себя оторвать взор от камня. Поворачиваюсь к окошку иллюминатора, оттягивая похолодевшими пальцами ворот джемпера, тугим кольцом сковавший шею. Меня буквально душат вопросы. Миллион вопросов пчелиным роем пронесется в голове, рвутся с губ, жаждут вырваться наружу, и в какой-то момент я почти теряю самообладание. Но инстинкты работают безотказно, возвращая меня в режим самосохранения. Выдавать себя нельзя, пока я не выясню все до малейшей детали.

Все длится долю секунды, и я надеюсь, что девушка не обладает навыками нейролингвистического программирования, иначе она рассекретит меня раньше, чем я успею подумать об этом.

– Не думаю. Но вас я определенно успел запомнить, как и горячее прощание с парнем в зоне регистрации, которое наблюдал весь аэропорт, – мой голос звучит неожиданно низко и хрипло. Я намеренно вызываю в ней чувства стыда и неловкости, чтобы стереть свои собственные ошибки, которые чуть не совершил минутой ранее. И мне определенно это удастся. Брюнетка тушуетса моментально, вся напускная бравада смыта ярким румянцем, постепенно заполняющим ее точеные скулы и переходя на шею. Никогда такого не видел. Крошка явно не ожидала такого поворота.

– Я не... Не понимаю, что вы имеете в виду, – продолжая так мило краснеть, она отрывистыми движениями освобождается от верхней одежды. Любопытно, насколько глубоко по телу способен распространиться этот румянец, шальной мыслью пронесится в моей голове.

– Все нормально, успокойся, – примирительно вскидывая ладони вверх, незаметно перехожу на «ты». – Это был твой парень?

– Нет, – как-то быстро отвечает «Снегурочка». – Бывший парень. Мы давно расстались, – добавляет она, выстрелив в меня испытующим взглядом.

– Но он, по всей видимости не теряет надежды, – лениво выгибая бровь, продолжаю отстраненно за ней наблюдать.

– Мне безразличны его надежды, – отрезает девушка, поджимая пухлые губы.

– Все, что ни делается, к лучшему, – философски заключаю я, положив руки на подлокотники кресла. Брюнетка периодически касается камня на своем запястье, поглаживая его грани мягкими подушечками. Кто ты такая, черт возьми, и откуда у тебя *мой оберег*?

– Как тебя зовут? – фамильярно спрашиваю я. Мне важно это знать, и ради своей цели можно пренебречь хорошими манерами.

– Не помню, чтобы ты представлялся, – дерзко произносит девушка, откидывая назад часть блестящих темных волос.

– Мэтт Янг, – протягиваю руку, пристально глядя прямо ей в глаза.

– Эльза Уотсон – без тени улыбки представляется красавица, несильно сжимая в ответ миниатюрной ладошкой. Уже убирая руку, я внезапно касаюсь пальцами прохлады кулона, и слабый электрический заряд обжигает меня, заставляя резко отстраниться.

– Ваше украшение бьется током, – я стараюсь пошутить, слегка поморщившись. – Необычный камень. Как называется?

Эльза медлит с ответом, вынуждая меня внутренне напрячься в ожидании.

– Я выиграла его на уличной ярмарке на Рождество, – спустя минуту нерешительно объясняет она. – Забыла уточнить название.

Я подозрительно прищуриваюсь, блуждая по ее лицу в поисках правды или фальши. Мне кажется, или она на самом деле искажила информацию? Ответ прозвучал слишком поверхностно и нелепо, отмечаю про себя с недовольством.

– Любой драгоценный камень обладает определенными свойствами, и способен передавать их своему хозяину. Некоторые из них обладают даже магической силой. Не учитывать это безрассудно и опасно, – осторожно вывожу ее на откровенность, изучающе разглядывая побледневшее лицо девушки. – Ты действительно не знала об этом?

– Ты сейчас серьезно? – она слегка подается вперед, шоколадные радужки почти заполнены расширившимся зрачком. Я напугал ее, осознанно. Но отчасти сказал правду.

В свое время меня предупреждали об особенностях такого подарка. Я досконально их изучил.

– Я лишь хочу сказать, чтобы ты была осторожней с подобными украшениями, и помнила про особенности страны, в которую летишь. Там существует целый культ поклонения таким оберегам. Иногда наличие камня у человека говорит само за себя.

– С моим кулоном что-то не так? – Эльза скептически уточняет, с долей недоверия и иронии глядя на меня из-под длинных ресниц. Наивная малышка, или хочет казаться таковой. Мне еще предстоит это выяснить.

– Я сказал то, что сказал. Просто будь осторожней – небрежно заканчиваю я, решив более не морочить ей голову прочим мистическим бредом. Верить в него или нет, она в конце концов скоро решит сама. Я уверен в этом.

Проверено на личном опыте.

- Я тебя услышала.

Эльза невозмутимо кивает и, полоснув по мне подозрительным взглядом, отворачивается, утыкаясь в свой гаджет. Закинув ногу на ногу, она поправляет подол легкого хлопкового платья цвета морской волны, едва достигающего до колена. Рукава-фонарики обнажают изящные руки, не обремененные браслетами и цепочками, которые так жалуют молодые девчонки. Не могу сдержать ироничной ухмылки. Снегурочку ждет жестокое разочарование по прилету в Шанхай, и она будет еще долго корить себя за неуважение и легкомысленное отношение к местным погодным условиям Дальнего Востока.

Уверен, что следующие часы, проведенные рядом, она потратит на размышления об адекватности моей психики. Мне все равно. Главное, что волнует меня в данный момент – это черничный аметист, который так удобно расположился в выемке ее запястья. Блестящий кварц редкого цвета с гравировкой на одной из сторон. В отличие от молодой особы, я владею всей информацией о нем, вплоть до мельчайшей царапины, если есть таковая. Камень издевательски мерцает в яркой подсветке салона, неустанно притягивая к себе внимание проходящих мимо пассажиров. Воспоминания о том, как я впервые увидел кулон тем злополучным летним днем, знаменующим собой долгожданный праздник моего пятилетия, предательски всплывают в памяти, опаялая внутренности жарким пламенем...

22 года назад,

Циньдао, провинция Шаньдун,

Китай

Теплое полуденное солнце струится непрерывным ванильным потоком из распахнутого настежь высокого двухстворчатого окна в моей крошечной спальне. Озорные лучи поочередно прогуливаются по поверхности вещевого шкафа, задерживаются на детском столике с

письменными принадлежностями и, наконец, останавливаются на моем сонном лице. Щурясь от его ярких бликов, я лениво потягиваюсь и внезапно распахиваю глаза. Уже сегодня! Сегодня мне исполняется пять лет, мой самый долгожданный и любимый праздник. Отбрасываю одеяло и со всех ног мчусь в гостиную, на ходу натягивая домашние тапочки.

– Мама! Мааааама!! – кричу во весь голос, не боясь разбудить ее и потревожить домашних питомцев – годовалую собаку породы акита по кличке Бут и волнистого попугайчика Ину. Вскоре дружелюбный пес уже взвизгивает вместе со мной, кружась и подпрыгивая вокруг. Мама подходит ко мне со спины, закрыв глаза чуть шершавыми сухими ладонями. В ответ я резко оборачиваюсь, изо всех сил обнимая ее за шею, вдыхая сладковатый родной аромат. Запах можжевельника и апельсина заполняет ноздри, и я чувствую, как меня переполняет абсолютное счастье, безмятежное и невесомое.

– Сынок, с днем рождения! – мама покрывает легкими поцелуями мои щеки и плечи, ерошит пушистые волосы на макушке. – Смотри, что я тебе принесла.

Она достает из кармана домашнего халата что-то круглое и блестящее. Я заинтересованно слежу за каждым движением, норовя поскорее получить подарок в руки.

– Это камень-оберег, Ам. Он сохранит и убережет тебя от зла и несчастий, – она внимательно вглядывается в мое лицо, призывая сосредоточиться. – Пусть он всегда будет с тобой, никогда не снимай его, слышишь?

Я согласно киваю, позволяя ей надеть его мне на шею. Щупаю медленно пальчиками, натываясь на необычный иероглиф на обороте.

– Что это за символ, мам?

– Это иероглиф, помнишь? Он означает твое имя, сынок. Этот камень сделан специально для тебя, – она поднимает меня на руки и утыкается носом в щеку.

– Правда? Это только мой камень, мама? – я удивленно восклицаю, широко улыбаясь. – И никто не сможет отнять его у меня?

– Только твой, – улыбаясь в ответ, кивает она. – Никто не заберет его у тебя, только если ты сам не отдашь, – добавляет, помедлив минуту.

– А папа сегодня придет?

– Обязательно придет, сынок! Как же он может не поздравить тебя? – она невозмутимо щелкает меня по носу и кружит по комнате. Я радостно кричу, умоляя ее не останавливаться.

Мы завтракаем и идем гулять на набережную, прихватив с собой за компанию неугомонного Бута. В моей левой руке находится связка разноцветных воздушных шаров, в правой – рожок вишневого мороженого, соком от которого я успел измазать добрую половину лица. Мамочка шагает рядом, время от времени поправляя съехавшую на бок полосатую панамку. Вдалеке мягко шумит Желтое море, и его волны неустанно слизывают следы от таких же как мы гуляк, оставленные теми на горячем крупинчатом песке.

– Ам, хочешь пить? Я схожу куплю воды, подождешь?

Она указывает мне на витую железную лавочку под сенью дерева.

– Я быстро, не заскучаешь? – она снова целует меня и ласково проводит по скуле от виска до подбородка, слегка прищипывая пухлую щечку.

– Неа.

Деловито усевшись на место, я доедаю свое лакомство, отрывисто раскачиваясь на лавочке как на качелях.

Я не помню, сколько времени просидел в одиночестве в тени дерева, пока не услышал пронзительный крик женщины и несколько рваных громких звуков, оставляющих короткое эхо после каждого. Резко обернувшись, я вскакиваю с места, испуганно мотая головой по сторонам. Мне стало резко страшно и холодно, не смотря на летний зной и палящее августовское солнце.

– Мам?

Бегу в сторону ларька, куда недавно ушла мама. Шарик выскользывает из моей руки, быстро поднимаясь в небо все выше и выше, но я не замечаю. Мне нужно срочно найти маму.

– Мамаааа!

Я вижу ее, лежащей на земле в окружении трех мужчин, одетых в черное. Один из них поднимает голову и решительным шагом направляется прямо на меня. Резко дергает за руку и тянет к остальным, грубой ладонью больно закрывая мне рот. Я дергаюсь и мычу, трепыхаясь в руках незнакомца, умудряясь укунить того за большой палец. Выругавшись, он ослабляет хватку и выпускает меня из рук, но напоследок срывает с шеи подарок мамы – мой личный оберег от зла.

– Отпусти! Отпусти меня!! – кричу изо всех сил, привлекая внимание немногочисленных гуляющих. Мужчины в черном скрываются за магазином, оставляя меня одного, заплаканного и осиплого от крика.

– Мамочка, – шепотом зову я, подбегая и хватая ее за упавшую на землю потяжелевшую руку. Она молчит, с закрытыми глазами продолжая лежать на грязном песке в неестественной позе.

– Мама, просыпайся! Посмотри, я измазал тебя мороженым, вставай!

Все ее платье испачкано багрово – красной краской, которую я принимаю за фруктовый джем из рожка, оставленного мной на железной лавке.

Какие-то чужие руки отрывают меня от матери, не обращая внимания на плач и безостановочные попытки вцепиться в ту за все, что попадется – спутанные волосы, уже ставшее влажным и алым грязное платье, объемную пляжную сумку на хрупком плече...

Меня сажают в машину, куда-то везут, но от шока и боли я ничего не соображаю, липкими ладошками стирая с лица соленые слезы.

Тем днем, восьмого августа, мне исполнилось пять лет.

Наши дни

Выныриваю из мучительных воспоминаний, по крупницам вплетая реальность в чуть замутненное сознание. Всего один взгляд на до боли знакомый камень, и как много воскресших страданий. На самом деле в тот роковой день украшение не пробыло у меня и суток, но дело совсем не во времени. Имеет значение сама суть этого кулона, и нетленная память о дарителе.

Отца тогда я так и не дождался, хотя понимал, что он все равно был не в силах вернуть мне маму. Он появился в моей жизни спустя несколько дней, когда я уже мало-мальски смог оправиться от первоначального ужаса. Отец и раньше нечасто удостаивал нас своим присутствием, и будучи совсем несмышленным ребенком, я не понимал причин такого отношения к своей семье. Уже гораздо позже, когда мне нашли приемную семью, пожилую одинокую пару, меня стали постепенно посвящать в тайны родной династии, но к тому времени я уже стойко ненавидел отца, сделав это своей основной привычкой. Я не мог простить ему гибель матери, как не мог понять и постоянных отлучек, и равнодушно-холодных встреч между ними.

Посещая меня раз в три-четыре месяца, он снисходительно взирал на меня свысока, словно император на челядь, и нес невообразимую ахинею про величие и чистоту нашего рода.

Но все же я отдаю ему должное, поскольку лишь с помощью отца я смог найти тех подонков, которые лишили меня единственного дорогого человека. Мы с мамой подверглись нападению так называемой преступной «тройки» – организованной группы глобальной сети триад, но истинную причину такого вероломного убийства невинной женщины среди бела дня так и не удалось выяснить. Я с трудом поверил в то, что неполная семья без обширных связей и с довольно скромным доходом стала объектом для ликвидации китайской мафиозной структурой, но свою долю мрачного удовлетворения при виде казни подонков и их предсмертной агонии однозначно урвал.

Во время одного из посещений отец поведал мне одну любопытную местную легенду, которая проливает свет на происхождение и особые свойства аметиста, а также его связь непосредственно со мной. По его словам, тот самый иероглиф, который увековечен на древней драгоценности, является моим личным символом и обозначает имя, с которым я пришел в этот мир. Имя, которое дали мне родители. Имя, которое несет в себе коллаборацию нескольких значений – года дракона, определенных лунных суток и одной из четырех священных стихий.

Но как бы этот волшебный камешек не был мистически ко мне привязан, его все же удалось украсть, вопреки словам матери или выдержкам из преданий. Почему он решил вернуться ко мне таким странным способом, через незнакомого человека, на другом континенте? Связано ли его загадочное возвращение с крылатым огнедышащим животным из одноименной легенды, в честь которого назван будущий год? Очередной вопрос из миллиона.

Что ж. Находиться в воздухе нам предстоит больше десяти часов, и будь я проклят, если не заставлю сидящую в соседнем кресле очаровательную американку ответить хотя бы на один из них.

Глава 2

Эльза

Я резко вздрагиваю, сбросив с ресниц сонную дремоту, и рассеянно вспоминаю последний эпизод перед тем, как глупо и по-детски вырубилась спустя нескольких часов после вылета. Вытаскиваю наушники, из которых уже давно не слышно ни звука. С целью скоротать время, которое на высоте примерно девять тысяч метров тянется бесконечно долго, я включила любимые новогодние треки, но уже к концу третьего мои веки устало сомкнулись, отрезая сознание от реальности. Возможно, сказалось нервное перенапряжение, которое накрыло меня с головой, как только я опустилось в это кресло.

Решившись рискнуть и отправиться в двухнедельное новогоднее путешествие на другой конец планеты, я отринула все свои страхи и смело шагнула навстречу новой авантюре. Я не стремилась к ней, она настигла меня сама, каким-то случайным путем. Хотя стоп, что я там раньше говорила про случайности? Все мои теории и пространные размышления разбились на осколки, когда я воочию увидела, *с кем именно* мне придется разделить затяжной полет.

Вот как после этого не верить в судьбу? Увидев рядом того самого притягательного блондина с небесной лазурью в глазах, который на Рождество поразил меня стихами Блейка, я подумала, что у меня жесткие галлюцинации. Меня словно подкинули в стратосферу и обухом сбросили вниз до уровня кипящей магмы где-то в недрах Земли. Я боялась признаться себе, но с того дня втайне мечтала и отчаянно надеялась, что когда-нибудь наши пути пересекутся, но не ожидала, что все случится настолько быстро. К таким подаркам – или ударам – судьбы нельзя быть готовым.

Молодой человек выглядел так же, как я его запомнила – платиновые короткие волосы, отдельными прядками хаотично свисающие на глаза, мужественная линия подбородка, прямой нос, красиво очерченные губы. Дико милые ямочки на щеках, раскалывающие весь его невозмутимый образ в щепки, когда он пытается изобразить подобие ленивой улыбки. И глаза – моя личная дверь в ледяное зазеркалье. Они цвета океана, абсолютно бездонные, с чуть уловимой серебристой дымкой по краям радужки. Не выражающие ни малейших эмоций узнавания и безграничного удивления от нашей встречи, какими до самых краев наполнена я.

Меня обдаёт стихийной волной разочарования и гнева. Он совсем не помнит наш первый вечер? Как это возможно? Неужели позорный момент общения с бывшим в зале ожидания аэропорта это единственное, с чем он связывает мою персону? Тогда это безоговорочный нокаут прямо в центр моей души.

Вопреки слезным просьбам и мольбам, меня все-таки приехал проводить Коул. Мы встречались полтора года, и вместе поступили в Калифорнийский, но на разные факультеты. После моего бегства из университета отношения резко пошли на спад. Не знаю, что послужило причиной – то ли ставшие редкими свидания после начала учебы, то ли разные взгляды на совместное будущее. Не могу сказать, что я была беззаветно влюблена в него. Скорее, эффект новизны сыграл свою роль. Он стал моим первым мужчиной, и этим все сказано. Коул всегда был рядом, и я просто не представляла себя с кем-то другим. Возможно, влюбленность переросла в привычку, зависимость от которой я довольно быстро преодолела. Да и неприятные слухи, в последнее время долетающие до меня через «хороших» людей, тоже не способствовали нашему воссоединению. Я не выношу лицемерия, а еще больше – предательства, поэтому раз и навсегда закрыла нашу некогда общую страницу жизни. Его самоличное решение помочь с регистрацией и сопроводить вплоть до посадки привело меня в бешенство. Но я и помыслить не могла, что свидетелем такой скандальной ссоры с бывшим посреди пассажирской очереди станет именно *он*. Хотя нет, все по канонам. Закон подлости в действии.

Боковым зрением замечаю движение в соседнем кресле. Мэтт отрывается от созерцания неба за окном иллюминатора и плавно разворачивается в мою сторону.

Мэтт. Теперь я знаю, как его зовут.

И это имя ему совершенно не подходит. Слишком простое и непритязательное, слишком заурядное. Незаметно вдыхаю полной грудью запах полынной свежести. Улавливаю нотки кожи и мускуса, наполняющие до отказа мои легкие. Черт, можно потерять голову от этого аромата. Невыносимо... Я напряжена до предела, не могу заставить себя расслабиться рядом с ним. Бьющая наотмашь, прорывающая внешнюю ледяную броню бешеная энергетика красавчика не дает мне покоя. Держу пари, невозмутимость и флегматичность – это лишь камуфляж, потому что каждый раз, когда я наталкиваюсь на его сканирующий взгляд, меня будто прошивает насквозь горячими энергетическими вибрациями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.